

Глава 1

Он так долго смотрел в ночное небо, что заболел затылок. За все эти годы Моисей исколесил всю страну, видел небеса из сотен мест, но не мог припомнить, чтобы ночь была такой ясной и первозданной, как здесь, в Вайоминге. Он почти чувствовал на себе тяжесть небес, придавливающих его к этим плоским равнинам. Здесь было легко вспомнить, что Господь Бог начал создавать мир с того, что разделил его надвое. Куда ни глянь, повсюду горизонт был столь же плоским и пустым — каким, вероятно, был на второй день Сотворения.

Портил его идеально ровную линию лишь маленький фермерский домик к востоку от них. Нарушающий все это первозданное совершенство изъяз, который Моисей Уилкокс намеревался исправить.

Он опустил голову, не обращая внимания на желание помассировать шею. Дыхание вырывалось у него изо рта облачками тумана, холод зимней ночи пробирал до костей, но Моисей не обращал внимания и на это. Его последователи наблюдали за происходящим, благоговейно притихнув, и сейчас было не время проявлять слабость. Он позволил своему взгляду скользнуть по множеству лиц перед собой —

все с нетерпением ждали, когда он заговорит. Моисей намеренно затянул молчание, по своему опыту точно зная, насколько далеко нужно зайти. Позволив напряжению всё нарастать, пока оно не станет почти невыносимым, и разрядить его прямо перед тем, как оно прорвется само собой.

— И сказал Бог: «Да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды». — Голос Моисея гремел, перекрывая ветер. — «И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь... небом»¹.

Он вновь поднял голову. Прихожане проследили за его взглядом, тоже задрав головы.

Моисей набрал полную грудь воздуха.

— Мы пришли сюда всего восемнадцать дней назад. Оказавшись здесь, мы надеялись найти место, в котором сумели бы наконец обрести покой. Место, где трудолюбивые мужчины и женщины заключили бы нас в свои объятия и были бы готовы услышать правду. — Он постепенно понижал голос, пока тот не стал уже едва слышимым, заставляя своих прихожан податься ближе и затаить дыхание, чтобы уловить его слова. — Но это вовсе не то, что мы здесь нашли.

Печальные покачивания головами в толпе. Нет, это и вправду не то, что они нашли. Совсем не то.

— Вместо этого мы столкнулись со злом и темными сердцами! С людьми, которые настолько сбились с пути, что их уже невозможно направить. А ведь мы пытались! Анна Кларк каждый день ходила от двери к двери, умоляя людей прийти на наши проповеди... Джонатан Холл разослал тысячи листовок...

¹ Быт. 1:6–8. — Здесь и далее библейские цитаты приводятся в синодальном переводе.

Моисей отыскал взглядом названных им людей, проследив, как те сияют от гордости, и зная, что теперь они будут трудиться вдвое усердней — и что остальные тоже будут трудиться усердней при виде того, как он хвалит тех, кто ему угодил.

— Не все из нас сделали всё, что могли, но я уверен, что они будут стремиться к лучшему.

Его взгляд метнулся в сторону Бенджамина и на пару секунд задержался на нем, пока Моисей не убедился, что упрек воспринят. Бенджамин опустил голову, а люди вокруг него слегка расступились. Отлично. В ближайшие недели никто и не подумает заговорить с Бенджамином. Никто даже не взглянет в его сторону. А в их сплоченной общине подвергнувший остракизму будет чувствовать себя отверженным каждую секунду на дню.

— Но как бы мы ни старались, некоторых мужчин и женщин уже почти невозможно спасти. Они нуждаются в том, чтобы мы указали им путь. Ибо если эта наша святая миссия спасет от неугасимого адского огня хотя бы одного человека, то мы спасем от вечных мучений и всех остальных!

Дрожа от собственной убежденности, Моисей видел, как его пыл отражается на лицах его паствы.

— Некоторые люди — завзятые грешники, кои столь далеко отклонились от верного пути, что лишь огонь способен очистить их души. Будь то адское пламя... — Он позволил своему взгляду задержаться на зажженных факелах, которые держали его люди, и повысил голос: — Или же рукотворный огонь!

Шестеро мужчин выступили вперед, подхватив канистры с бензином. Пройдя по обледенелой гравийной дорожке к дому, они стали плескать едко пахнущей жидкостью на его облупленные беленые стены. Трое из них вошли внутрь, и Моисей мог смутно раз-

личить в темноте, как они поливают бензином пол и какую-то ветхую мебель.

Подойдя к одному из мужчин, он протянул руку.

— Дай-ка мне, дитя мое.

Мужчина, коренастый фермер по имени Ричард, башней возвышался над Моисеем, но и тот словно съезжился в благоговейном страхе, когда к нему обратились напрямую.

— Она довольно тяжелая, Отец.

Моисей ничего не ответил — просто всё так и держал руку протянутой, недобро прищурившись. Ричард заморгал и передал ему канистру.

Та и вправду оказалась достаточно увесистой, а ее поверхность маслянисто поблескивала от выплеснувшегося на нее бензина, сразу испачкавшего руки и одежду, но Моисея это не волновало. Он плеснул жидкостью на стену, вдыхая резкий, пьянящий запах; сердце у него гулко забилося, как в тот самый первый раз. С годами это уже стало частью общей жизненной рутины. Такой же, как проповеди, еда, долгие поездки, молитвы... Но это было единственным, что никогда не теряло своей остроты. Единственным, что оставалось ярким, первозданным и чистым.

Моисей обошел дом, хрустя ногами по тонкому снегу и тщательно поливая стену бензином, пока канистра не опустела. Он проследил, как последние несколько капель стекли на замерзшую землю, после чего отступил и вернул канистру Ричарду, который неотвязно следовал за ним.

Возвращаясь к остальной своей пастве, Моисей обвел взглядом обращенные к нему лица, ощутив, как его захлестывает волна любви. Он готов был умереть за каждого из них. И они готовы были умереть за него.

Некоторые из них уже это сделали.

— Господствующее христианство сбилось с пути, вводя в заблуждение верующих! — провозгласил Моисей, наблюдая, как пламя факелов колышется на ветру. — Они утверждают, что Бог есть любовь. Но забывают при этом, что Он — это очень многое. Бог — это еще и возмездие!

Возбужденные крики согласия, пламенные «аминь!».

— Господь Бог желает воздаяния для своей паствы!

Теперь уже они все до одного кричали, подавшись вперед и воздев над головой руки; лица их исказились в религиозном экстазе.

— Бог ваш есть огонь посядающий, Бог ревнитель!¹

Вскинутые кулаки, истошные призывы к вере, широко раскрытые глаза... Люди едва могли сдержать побуждение рвануться вперед. Момент был самый подходящий.

Подняв палец, Моисей взревел:

— «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»² Пробил час для второго крещения!

Глаза собравшихся раскрылись еще шире, лица были полны восторга и ликования. Моисей улыбнулся своей пастве в ответ, зная, что именно они сейчас чувствуют. Тот священный момент, когда ты — это часть Божьей воли. Те, кто держал факелы, шагнули вперед — желтые огоньки затрепетали на ветру, — подошли к дому и почти как один прикоснулись факелами к его стенам.

В воздух с ревом взметнулись огромные языки пламени, дико заплывав на ветру, внезапно накативший жар вытеснил холод из воздуха. Один из мужчин

¹ Втор. 4:24.

² Лк. 12:49.

с воплем отскочил назад, вызвав тревожные крики. Рукав у него был охвачен огнем, и всепоглощающее пламя лишь еще больше разрасталось, пока он в панике размахивал руками. Люди бросились к нему, схватили, оттащили от пылающего дома и повалили на землю, принялись катать по снегу и жидкой грязи, силясь задуть пламя. Мужчина все еще стонал, но болезненная гримаса у него на лице смешивалась с ликующей улыбкой. Быть опаленным священным огнем крещения было знаком чести в их церкви, и он будет с гордостью носить эти шрамы.

Моисей отвел взгляд от мужчины и вновь уставился на огонь — пламя было таким ярким, что резало глаза. Валящий в небо черный дым кувыркался и закручивался, когда ветер подхватывал его и уносил прочь. Моисей почувствовал, как ноги сами несут его все ближе и ближе к огню, жар которого иссушал кожу и искажал очертания дома в слезящихся глазах — сила пламени буквально завороживала его. И тут изнутри донесся истошный крик. Грешник проснулся. Отлично. Во время крещения лучше бодрствовать, чтобы в полной мере ощутить, как сгорают твои грехи, когда ты вновь воссоединяешься с Христом. Моисей слушал, как крики грешника становятся все громче, перемежаясь отчаянными мольбами о помощи.

Стоял он лицом к своим последователям, спиной к огню. Благоговейный трепет наполнял их глаза, когда они смотрели на него в ответ, неистово пляшущее пламя окрашивало ночь ярко-оранжевым сиянием, дым окутывал его черным саваном, мерцающие угольки плавали над ним. Моисей с нетерпением ждал, когда Господь наконец заговорит с ним, и вскоре ощутил это: побуждение настолько сильное, настолько глубинное, что могло исходить только

лишь от Него — небесный знак того, что час опять пробил. Он почувствовал, как туго натянулись штаны в промежности, когда святая сила укрепила его.

К нему подошла Анна.

— Отец, нам пора уходить.

— Пока что рано, — бросил в ответ Моисей. — Имена!

— Отец, у нас уже нет времени! Скоро приедут пожарные и полиция, и...

— Имена! — рявкнул он на нее.

Поспешно, дрожащей рукой, она сунула ему листок с тремя именами. Моисей прочитал написанное и поднял взгляд, чтобы отыскать трех женщин из своей паствы. Ага, вон они... Одна лет тридцати, с маленьким пухленьким лицом. Вторая помоложе и похудощавей, передние зубы у нее выступают вперед из-за неправильного прикуса. А вот третья... ах!

Дженнифер было всего девятнадцать, и присоединилась она к его пастве не так уж давно, вместе с сестрой. Длинные волосы, спадающие чуть ли не до бедер... Нежное личико... Многообещающие выпуклости под тканью блузки... Наблюдая за ней и чувствуя, как чаще забилося сердце, он понял, что Бог уже сделал свой выбор. Нынешней ночью это будет она.

Моисей подошел к ней и взял за руку. Глаза ее были полны восторженного возбуждения и ужаса.

— Пойдем со мной, — негромко произнес он, после чего повел ее прочь, в поля, подальше от остального своего стада.

Дом позади них вовсю полыхал, жар обжигал ему спину. Крики о помощи изнутри превратились в отчаянные бессловесные вопли.

— Ты готова выносить моего ребенка? — строго спросил он.

— Я... Да, конечно. Но...

— Тогда раздевайся.

— Но... они всё еще могут видеть нас!

При виде ее беспокойства Моисей лишь отмахнулся.

— Таково желание Господа. Имеет ли значение, смотрит ли на нас кто-нибудь? Ну давай же, быстрее!

Дрожащими пальцами Дженнифер принялась расстегивать блузку. Оранжевые языки пламени мерцали на ее обнаженной коже, дым клубился вокруг них, дышать становилось все труднее.

Потеряв терпение, Моисей разорвал блузку. И, охваченный вождением, которое могло быть лишь силой Господней, вскоре уже лежал с девушкой на тающем снегу.

Крики грешника позади них наконец смолкли.

Глава 2

Присев на капот своей машины, лейтенант Эбби Маллен внимательно разглядывала обугленные остатки фермерского дома. За последние три недели она изучила десятки задокументированных случаев поджогов и лично посетила места пяти из них. И выяснила, что у каждого сгоревшего строения — свой собственный неповторимый облик. У некоторых сохранились почерневшие стены, от других же остался лишь скелетоподобный каркас. В кучах мусора таились остатки жизни тех, кто некогда обитал здесь, — полурасплавленная кукла, или разбитые керамические горшки, или искореженный книжный шкаф с сотнями обугленных книг... Кое-где сквозь остатки рухнувших стен можно было заглянуть прямо на задний двор.

От этого дома практически ничего не осталось. Из руин торчала лишь одинокая почерневшая балка.

Среди обломков Эбби углядела что-то, что некогда могло быть диваном. Чуть дальше виднелся металлический остов холодильника. Пепел окрасил снег вокруг строения в серый цвет, смешавшись с многочисленными следами шин пожарных и полицейских машин и случайных прохожих.

Дом был огорожен желтой лентой с надписью «Место преступления», трепещущей на холодном ветру. Черные руины зловеще выделялись на тонком морозном покрывале, укутавшем окрестные поля. Эбби поживалась от холода — пробирающий до костей озноб наводил на мечтательные мысли о тарелке исходящего паром супа, кружке горячего шоколада и теплых одеялах, которых в пределах видимости не наблюдалось.

Пожарные и бригада экспертов-криминалистов закончили обработку места происшествия еще накануне, и теперь тишина в окрестностях изрядно нервировала. Хотя вокруг никого не было, Эбби все никак не могла избавиться от покалывающего ощущения, что за ней наблюдают. Она искоса глянула через обледенелые поля на ближайший дом по соседству, расположенный примерно в двухстах ярдах от нее. Окна его были темными, никакого видимого движения. Может, какой-нибудь любопытный сосед? Или это ей просто почудилось? В Вайоминг она вылетела ночным рейсом, прибывшим ни свет ни заря, и нервы у нее были уже на пределе от усталости.

Поправив шерстяную шапочку, чтобы плотнее прикрыть замерзшие уши, Эбби откинула капюшон и подошла к остаткам дома, хрустя ногами по обледенелой земле. Пригнувшись, проскользнула под лентой, а когда выпрямилась, ноздри ей наполнил резкий запах гари. Мысленно она уже сравнивала эти руины с фотографиями аналогичных происшествий в других местах, которые успела изучить.

Последние несколько недель Эбби неофициально расследовала серию поджогов, к которым с большой степенью вероятности мог иметь отношение Моисей Уилкоккс. Более тридцати лет назад он был лидером религиозной секты в Северной Каролине. Эта его секта, помимо всего прочего, занималась производством героина и продажей его местным наркоторговцам. Во время последующей полицейской осады Уилкоккс запер всю свою паству в столовой поселения, а затем сжег ее дотла. Пресса окрестила это событие «бойней в секте Уилкоккса». Официально в этом пожаре выжили лишь трое членов секты — все из них дети. В том числе и Эбби.

Но был и четвертый выживший. Лишь недавно Эбби узнала, что Моисей Уилкоккс воспользовался возникшим при пожаре хаосом, чтобы скрыться от полиции. И тоже считался погибшим, поэтому в течение трех десятилетий никто его не искал.

Она осторожно вошла в дом, обходя кучи обгорелой черепицы, скопившиеся на полу, когда во время пожара обрушилась крыша. Случайно задела что-то пластиковое, что со стуком свалилось на пол. Присев на корточки, Эбби осмотрела этот предмет, который оказался ярким криминалистическим маркером, забытым работавшими на месте происшествия экспертами. Что же он отмечал? Пустую канистру из-под бензина? Какой-то предмет мебелировки, чудесным образом оставшийся в целости и сохранности? Или же останки домовладельца — некоего Джимми Йейтса?

Изучая дела о поджогах, Эбби практически случайно наткнулась на параллельное расследование, проводимое ФБР. Она уже несколько раз разговаривала по телефону с женщиной, руководившей расследованием, и рассказала ей о Моисее Уилкокксе всё, что знала. В ФБР не спешили поделиться какой-либо ин-

формацией в ответ. А потом, за день до того, как она оказалась здесь, ей позвонил некто, представившийся как специальный агент Грей, чтобы задать несколько дополнительных вопросов. В частности, его интересовали какие-либо связи, которые могли иметься у Моисея Уилкокса в Вайоминге. Эбби не знала ни о каких подобных связях, но после этого телефонного звонка провела кое-какие исследования и выяснила, что совсем недавно в городке Дуглас, штат Вайоминг, тоже сгорел дом, что полиция расценила как поджог. Джимми Йейтс, владелец дома, сгорел заживо вместе со всем своим имуществом.

И вот теперь Эбби оглядывалась по сторонам, задаваясь вопросом, действительно ли это имело какое-то отношение к делу. Находился ли Моисей Уилкоккс здесь, в Дугласе, всего несколько дней назад? Или же она лишь зря тратила свое время и деньги на какой-то совершенно случайный поджог?

Эбби никогда не приехала бы сюда, если б не угроза ее детям.

«Они мои внуки, Абихейл¹. Они принадлежат к моей пастве».

Моисей сказал ей это по телефону три недели назад — после того как она узнала, что он пытался в ее отсутствие проникнуть к ней в дом и пообщаться с ее сыном Беном.

С тех пор было еще несколько моментов, от которых волосы у нее на затылке вставали дыбом. Телефонные звонки на их домашний номер — абонент сразу вешал трубку, стоило ей ответить. Какой-то не-

¹ Несмотря на схожее звучание и написание, распространенное имя Эбигейл и менее известное Абихейл (Abigail и Abihail в англоязычном варианте) — это совершенно разные имена, и даже с иврита, откуда они происходят, переводятся по-разному. Абихейл в русскоязычной библейской традиции — Авигея. — *Здесь и далее прим. пер.*